

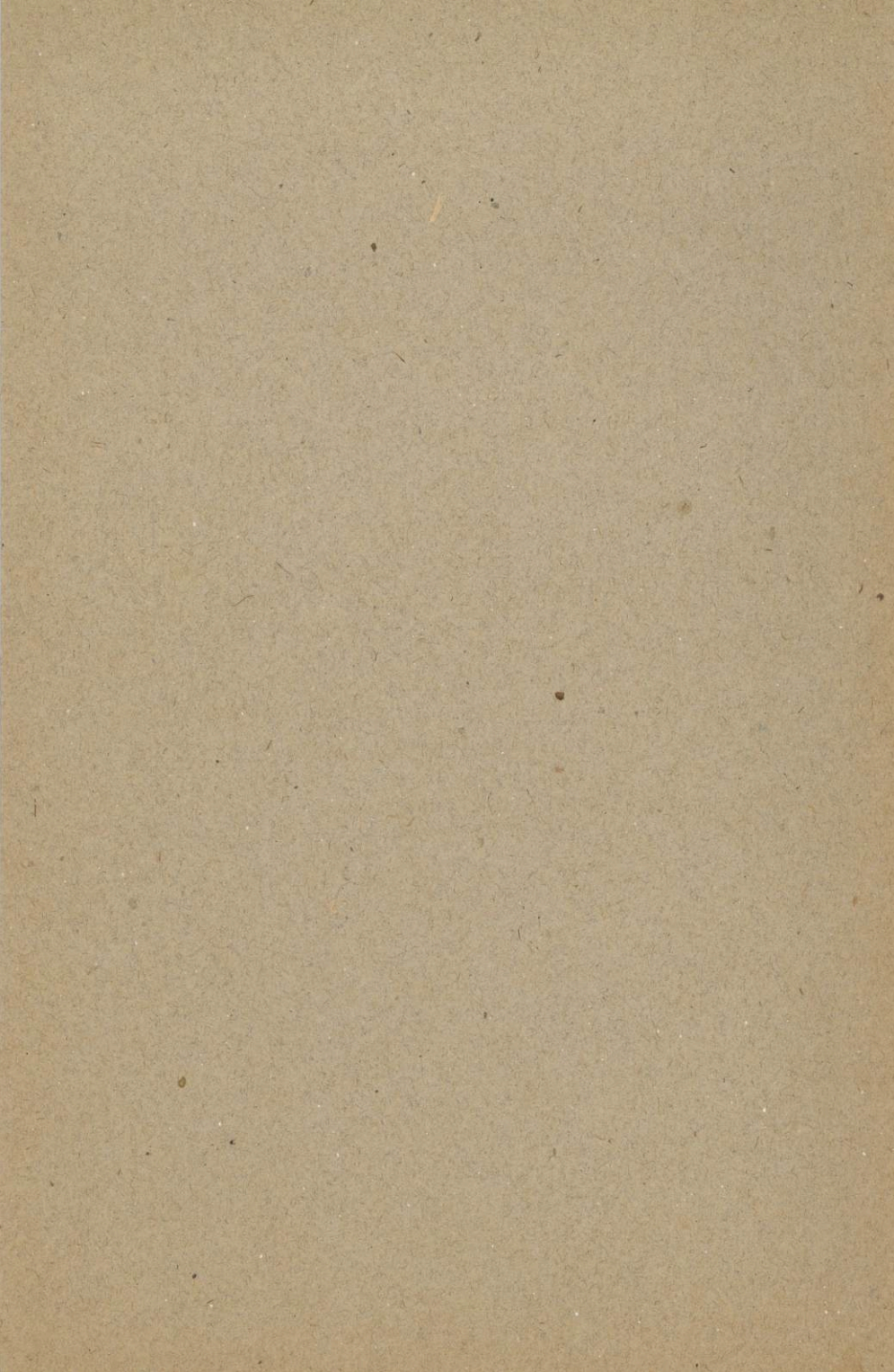
СИМЕОН БАБИАН.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВЕЛИ С АРМЯНСКОГО:
ГЕННАДИЙ ПАНИН,
СЕРГЕЙ ФРЕНКЕЛЬ,
АЛЕКСЕЙ ЕФРЕМЕНКОВ
и СЕРГЕЙ ГАВАЛО.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
С. А. ГАМАЛОВА.

ЯЛТА.
1925.



СИМЕОН БАБИАН.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВЕЛИ С АРМЯНСКОГО:
ГЕННАДИЙ ПАНИН,
СЕРГЕЙ ФРЕНКЕЛЬ,
АЛЕКСЕЙ ЕФРЕМЕНКОВ
и СЕРГЕЙ ГАВАЛО.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
С. А. ГАМАЛОВА.

ЯЛТА.
1925.

Напечатано в 5-й Гостипографии
"Крымполиграфтреста" в колич.
300 экземпляров. Заказ № 964.
Крымлит № 33.

Два слова об авторе.

В нынешнем году крымские армяне празднуют 25-летие литературной деятельности одного из немногих работников крымско-армянской культуры — талантливого поэта СИМЕОНА БАБИЯНА.

Центральной юбилейной комиссией, организованной по инициативе группы ялтинских армян-культуротворников, удалось при максимальном содействии некоторых других крымских городов (Симферополь, Евпатория, Керчь, Карасубазар), а также вне-крымских (Харьков), издать довольно об'емистый сборник избранных стихотворений юбиляра под редакцией и с вступительным очерком пишущего эти строки.

Сборник этот, вышедший в Москве, издан исключительно на средства, собранные путем проведения кампаний по предварительной подписке среди армянского населения вышеназванных городов, а также путем организации ряда спектаклей и вечеров.

Однако, группа друзей и ценителей юбиляра, полагая недостаточным издание сборника на армянском языке, задалась целью ознакомить с некоторыми сторонами творчества юбиляра и русскую читающую публику — путем издания хотя-бы небольшого сборника переводов его стихотворений.

Осуществлением указанной цели и является настоящий скромный сборник, где читатель найдет несколько образцов из наиболее характерных областей поэтического творчества СИМЕОНА БАБИЯНА и составит общее представление о характере его дарования.

СИМЕОН БАБИАН прежде всего и больше всего певец природы, в частности природы крымской во всем ее разнообразии и пленительном величии. В этом отношении он занимает особое место в новейшей армянской поэзии, чрезвычайно бедной песнями природы.

СИМЕОН БАБИАН — лирик. Однако творчество его не лишено и гражданского, общественного элемента, столь характерного для всей армянской поэзии, рожденной и развивавшейся в чрезвычайно своеобразных политических и социально-экономических условиях жизни армянского народа.

В последние годы СИМЕОН БАБИАН работал над циклом „песен труда“, некоторые из коих представлены в настоящем сборнике.

Переводы сделаны с максимальным приближением к подлиннику и дают достаточно яркое представление об основных мотивах творчества поэта-юбиляра.

С. Гамалов.

Симферополь.
15/IX—1924 г.

* * *
*

Зыбь-ли пробежит по колосьям нив,
Как любовный гимн, ласков тот мотив.

Шепчется-ль порой с берегом волна,
Тайна мне любви в шепоте слышна.

Вечная любовь сушу и моря
Обняла, певцу сердце озаря.

И твердит ему ласково, любя:
„Весь великий мир — песня для тебя“ ...



Осень.

Тучи странники над нами
Снова, молча, вышли в путь;
Уж с вершин, венчаных льдами,
Хочет холодом дохнуть.

И в тумане скрылись дали,
Горизонт тоской распят;
Жизнь хоронит песнь печали,—
Страшен похорон обряд.

А в окно мое тревожно
Дождь всю ночь—до света—бьет;
Грустно, больно, безнадежно
Ветер плачет и поет.

Грозный рок без сожалений
В смертном сумраке, кругом—
Славит гибель сновидений,
Рукоплещет над концом...



С природой.

Тают, тают белый снег и льдины,
И потоки быстро понеслись,—
А в шатре лежу больной один я
И смотрю на голубую высь.

На глаза дремота тихо сходит,—
Слышу я в прозрачном полусне,
Как весна лучистая приходит
С лучезарной песнею ко мне.

Мне во сне улыбку дарят пашни,
Рассмеялся изумрудный сад;
Певчим птицам аромат прекрасный
Розы пышные кругом кадят.

Песни будят; светлый луч, играя,
В щель шатра торопится взглянуть.
Я поднялся, и теперь я знаю—
Недалеко воскресенья путь...





У хижины твоей журчит ручей студень,
Там зорям молится в ущельях тишина,—
И сказку дивную, склонив убор зеленый,
Печально слушает высокая сосна.

Вот дверь откроется, и ты бежишь, как фея,
Играть и тешиться с веселым ручейком;
О зорях песенку над скалами развея,
Ласкаешь личико холодным серебром.

Кто счастье дал тебе, красавица-певунья,—
Быть девой горною—веселой, как цветы;
Тебе завидую, как чарам новолунья:—
Лишь сердцу милому всегда послушна ты.

А я, сын города, томлюсь тоской постылой,
Я—узник скованный,—я боль цепей постиг;
Как в клетке запертой, напрасно бьюсь, бескрылый,
Всегда беспомощный, сдавив безумный крик...



Моя сирень.

Во дворе у нас, пред моим окном,
Разрослась сирень. Радостный убор
В мае каждый год, вечером и днем,
Опьянял меня, веселил мой взор.

Помню, как бывал нежностью об'ят
К милым я цветам, что кивали мне.
Средь степей немых, сладкий аромат
Пробуждал во мне мысли о весне.

Долгие года волей жизни злой
От родных степей я оторван был.
Там пленился я морем и скалой,
Только сердце я дома позабыл.

И однажды я вечером, весной,
В'ехал на арбе в двор, что был так пуст.
Я увидел вновь бедный дом родной,
Пышен лишь, как встарь, был сирени куст.

Колыхал сирень бодрый ветерок,
Что смягчал жару на закате дня;
Словно каждый мне кланялся цветок,
После долгих лет увидав меня.

Помню, помню я, много утр потом
Аромат цветов пил я без конца.
И когда опять покидал я дом,
Сбросили наряд ветви дерева.

В край чужой меня привела судьба,
И колеблем я жизнью, как тростник.
И когда тяжка станет вдруг борьба,
Я домой, домой рвусь хотя-б на миг.

Пусть убог мой дом, под родную сень
Хочется душе; и я верю, вновь
Пышно там цветешь ты, моя сирень,
Память юных дней, светлая любовь...

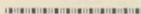


* *
* *

Как в снегу душисто-белом,
Вся в цветах весною слива.
Нежно дышит в поле прелом
Ветерочек шаловливый.

Каждый злак, цветочек каждый
Продирает в небо глазки.
Шмель, томясь медовой жаждой,
Ткет кудель жужжащей сказки.

Только ты, весну встречая,
С песней вешневой не дружен.
Отчего-же ты печален?
Отчего-же ты недужен?



Осенняя ночь.

Осенней ночью так плачут очи,
Так плачут очи, все об одном.
Так безутешно под кровом ночи
Рыдает кто-то в окне моем.

Рыдает кто-то... И, плечи горбя,
Роняет слезы. И голос—юн.
И эти слезы с молитвой скорби,
Как тихий рокот поющих струн.

Как тихий рокот... Душа внимает.
Об'емлет душу ночная тьма.
И сердцу больно и сердце знает,
Что лживо счастье, как ночь сама.

В Ялте.

Тихий берег. Тихий вечер.
Полутени.
Волны берегу шепчут сказку
Наслаждений,
Месяц сверху сыплет блёстки,
Небо звездно.
И огни зажглись в морщинах
Синей бездны...

Пробудился над заливом
Ветер—птица...
Корабли качаться будут
До зарницы.
Поброжу до поздней ночи
Я по склонам;
Там цветы,—душа воскреснет
Вновь влюбленной...



Труд.

Цель жизни и смысл—в неустанном труде,—
В могучем труде созиданья;
Не злой укоризной, а счастьем тебе
Ниспослан твой труд—в оправданье.

Пусть тяжко порою тебе,—не ропщи:
Пройдут дни невзгод, огорченья,—
В великом упорном труде поищи
Гранитный дворец наслажденья.

Пусть мнится тебе, что нет сил превозмочь
Суровые в жизни преграды,—
Трудом напряженным сменяется ночь
В день светлый, несущий награды.

Жизнь—труд, что дарит наслажденье—покой...
Труд в жизни—величия гений.
И нет и не будет нигде под луной
Разумней иных наслаждений...



Песня рыбаков.

Улегся вал... Мрак ночи пал...
Светает...
С зарей мы в путь!.. Пусть легче грудь
Вдыхает.
Наш зоркий глаз спасает нас
Отважно.
С ладьею нам плыть по волнам
Не страшно.
Труд грозен наш, как злой мираж!
Клянемся—
Чем цель важней, тем мы скорей
Добьемся!..



Песня углекопов.

Как кроты, под землей,
С непроглядною тьмой,
Мы пласты рвем с печального детства...
В адском воздухе, там,
Лишь фонарь светит нам
Для работ и внезапного бегства.

Труд свой ночью и днем
За гроши отдаем,
Каждый час свою смерть ожидая;
Но, смирившись с судьбой,
Тяжкий жребий мы свой
Сносим молча, томясь и страдая.

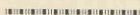
Выйдя к солнцу, к лучам,
Мы восторженно там
Дышим счастьем, забывши тенёта.
Но, как гости, опять
Возвращаемся вспять
К жизни полной страданья и гнёта...

Песня кузнеца.

Мой молот тяжелый уверенно бьет,
Звеня, рассыпая каскады,—
Железо послушно мне песни поет,
Прося снисхожденья, пощады.

Пусть крепость железа прославила мир,
Не знавший мой горн, моей силы...
Я новое счастье, я новый кумир
Намерен ковать до могилы.

За всякое дело смелей, как кузнец,
Берись—покоряй своей воле.
Бей молотом грозным: настанет конец
Томительной долгой неволе!..



Примирение.

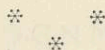
В лес бежал я, оробев:
Твой казался страшен гнев.
Оробев
И смутясь,
Словно мальчик, рассердясь.

— Лес, ты знаешь, чья вина,
Я-ль был первый, иль она?
Чья вина?
Ты внимал,—
Кто мне шею обнимал?

Ветер дунул на меня,—
Вдруг несется смех, звеня:
— „На меня
Не гляди,
Сжался, милый, пощади!“

„Поцелуем я пьяна,
И сердиться не должна;
Я пьяна,
Я шучу,
Рядом снова сесть хочу“...





Ночью тихо постучу
Под заветным я окном;
С милых губок я схвачу
Поцелуй, что жжет огнем.

Месяц, кроткий без конца,
Белым пламенем горя,
Пусть на бледный мат лица
Сеет блески янтаря.

Проведем всю ночь без сна.
Но придет рассвета час.
Утомясь, уснет луна,
Что подслушивала нас.

Засыпая, оторви
Ты уста от уст. А я
Выйду, пьяный от любви,
Радость в сердце затая...





Ушла ты с мрачными глазами,
Но почему—я не узнал.
Пришел к тебе, томим скорбями,
Сел у порога и молчал.

Напрасно я просил хоть слова;
„Оставь“—смогла ты мне шепнуть—
И я к себе вернулся снова,—
Тоска сдавила камнем грудь.

Не раз потом искал ответа—
Зачем отвергнут был тобой,—
Теперь спокоен: знаю—это
Все было—женскою игрой...





Пусть ветер за окнами воев в безграницы,—
Мы здесь наслажденья засветим огни.
Сегодня любовь наша будет желанней,—
Мы выпьем,—за счастье бокал подними!

Я знаю, красавица, ты шаловлива,—
И вот опьянена янтарным вином;
Слова твои льются в свободном порыве,
Лицо расцвело ярко-алым огнем.

К софе наклонилась—вся в власти бессилья—
С открытою грудью,—уж будто не та.
У страсти встревоженной выросли крылья,
И сладкую тайну узнали уста.

Ты дышишь так тяжело, сомкнувши ресницы,—
Холодный рассудок бессильно погас.
За розовой ширмой, где вышиты птицы,
Ты воле моей отдаешься сейчас...



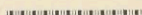
* *
* *

Надо мной склонись ты
С тайною желанья,—
Сном пускай огнистым
Ночь промчит в безгранье.

Я хочу с тобою
Бурь любви порывных,
Огненного зноя
Страсти неизбывной.

Радость я взлелею
Только многоводной,—
И шепчу тебе я:
Будь всегда свободным.

Ты склонись с отрадой.
Шею дай, влюбленный.—
Жги меня, и рядом
Сам пади, спаленный...



* *
*

Пришла ты бледная, сказав,
Что вся измучилась, любя.
Твердила ты, что я неправ,
И не умел понять тебя.

Так речь была нежна твоя...
Заныла счастливо душа.
Но не сказал ни слова я.
Ушла ты тихо, не спеша.

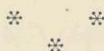
Страдать не можешь ты тайком.
Смотри-ж, и счастья не таи,
Когда сегодня вечером
Я губки попрошу твои...

Из книги СИМВОЛОВ.

Помнишь-ли дворец, где любила ты?
Юным дням твоим счастье он дарил.
Скоро рухнет он. Треснувшей плиты
Камень холодной мрамора могил.

Помнишь-ли тот храм, где в словах молитв
Воскрешать могла радости души?
Ныне он умолк. Как на поле битв,
Свержен и разбит, он уснул в тиши.

Как твой путь теперь пуст и одиноч!
Так вернись к дворцу старому под сень,
В память дней былых поцелуй порог,
В храме обними паперти ступень...



Сердце, отдохнуть можешь ты теперь.
В муках провело долгие ты дни.
Утомилась жизнь грубая, поверь,
Наносить тебе раны лишь одни.

Пылью, пеплом был твой тернистый путь,
Жаркой был борьбой светлый твой порыв.
Сердце, ты теперь можешь отдохнуть,
Не смутит тебя никакой призыв.

Вечный пусть Покой льет свой тихий свет.
— Это жизнь иль смерть? Правда иль мечты?—
Ты не вопрошай. Нет ответа, нет!..
Отдохнуть теперь можешь, сердце, ты...



Элегия.

Яркая заря,
Пурпуром горя,
Каждый раз несет трепет новых дней,
Но заря моя,
Словно грусть тая,
Лишена была золота огней.

Солнца жгучий луч
Брызнет из-за туч,
Утвердится день радостей живых.
Жизни полдень мой,
Бледный и немой,
Надо мной прошел в тучах грозových.

В тишине ночей
Тысячи очей
Будут до зари сомкнуты во сне.
В жизни час ночной
Я не сплю, больной,
Пробудиться вновь нет надежды мне...





Мы зажженным огонь в эту ночь сохраним:
Дышит в сумраке страхом безгранным
Дикий ветер, окованный ужасом злым,
И о смерти поет беспрестанно.

К нам сегодня опять, может быть, постучат
И к очагу попросят снова.—
Мир кругом без конца глубию мрака об'ят...
В эту ночь будет много без крова.

Тише, тише... шаги зазвучали вдали...
Кто-то всхлипнул, ты слышишь, в тумане.
И на сердце тоскливые тени легли;
Ветер плачет и воет в безграньи.

И с порога, едва опускается мгла,
Мы зовем утомленного брата:
„Чтобы скорби ушли, чтоб душа расцвела
К нам в обитель приди ты с закатом“... -



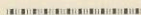
Паяцу.

Я близок песнями больной душе паяца...
Толпу нарядную смехи под крик огней,—
И губы яркие должны всегда смеяться,
Сплетая кружево бессмысленных речей.

Паяц обиженный, бесцельностью кривлянья,
Словами дерзкими смехи и тешь раёк;
И с смехом радости—под гром рукоплесканий—
Пускай он золото бросает на песок.

Душа разбитая давно горит от боли
И просит жалости последнего луча.—
Ты оглуши ее... пускай она не молит;
И, гаер ряженный, ломайся, хохоча.

Отдай все близкое могиле и печали,
Пусть рок бесжалостный потушит все огни.—
Смехи по прежнему своим сальто-мортале
И душу с хохотом под музыку распни...



Смерть орла.

Властитель гор, взошедших гордо к сини—
Парил орел в лазури голубой,
И на огромные и грозные вершины
Торжественно садился он порой.

Но вдруг упал и оборвал паренье,
Свинцом охотника, бесчувственным, сражён;
Как исполин, великий и в паденьи,
Небесный трон навек оставил он.

И окровавленный, с разбитыми крылами,
Еще полуживой, упал на камень скал,—
И долго, долго взор потухшими лучами
Безмолвно и с тоской лазурь небес искал.

В безумных муках сердце тосковало
По жизни радостной в лазури голубой,—
А солнце яркое томительно сверкало,
Когда роса слезы катилась над скалой...



Vae infelicibus!

Иди, и у берега грустно страдай,
Над счастьем слепым безутешно рыдай.
Смешай свои слезы с жемчужной водой,
Проклятья пошли ты юдоли земной.

Взойди на вершины и словом—огнем
Ты ветру поведай о горе своем:
И птицей та весть полетит над землей,—
Но скорбь твоя будет—как прежде—большой.

Расщепленным скалам пустыни сухой
Ты сердца глубокие раны открой.—
И вздрогнут те скалы—их ужас велик,
Никто не услышит безумный их крик.

Ты долго, напрасно не думай потом—
Лишь пепел и камень простерты кругом.
Жить хочешь—борись и ползи средь людей,—
А хочешь погибнуть—погибни скорей...



Оглавление.

Стр.

Два слова об авторе	С. Гамалов.	3
1. „Зыбь-ли пробежит“...	Перев. С. Френкель	5
2. Осень	„ Г. Панин	6
3. С природой	„ Г. Панин	7
4. „У хижины твоей“...	„ Г. Панин	8
5. Моя сирень	„ С. Френкель	9
6. „Как в снегу“...	„ А. Ефременков	11
7. „Гаснут звуки“...	„ А. Ефременков	12
8. Осенняя ночь	„ А. Ефременков	13
9. В Ялте	„ Г. Панин	14
10. Труд.	„ С. Гавало	15
11. Песня рыбаков.	„ С. Гавало	16
12. Песня углекопов	„ С. Гавало	17
13. Песня кузнеца	„ С. Гавало	18
14. Примирение	„ С. Френкель	19
15. „Ночью тихо постучу“...	„ С. Френкель	20
16. „Ушла ты“...	„ Г. Панин	21
17. „Пусть ветер за окнами“...	„ Г. Панин	22
18. „Надо мной склонись“...	„ Г. Панин	23
19. „Пришла ты бледная“...	„ С. Френкель	24
20. Из книги символов	„ С. Френкель	25
21. „Сердце, отдохнуть можешь“...	„ С. Френкель	26
22. Элегия	„ С. Френкель	27
23. „Мы зажженным огонь“...	„ Г. Панин	28
24. Паяцу	„ Г. Панин	29
25. Смерть орла.	„ Г. Панин	30
26. Vae infelicibus!	„ Г. Панин	31



